

Александр Серафимович

Гниющая язва

Серафимович Александр

Гниющая язва

Александр Серафимович СЕРАФИМОВИЧ ГНИЮЩАЯ ЯЗВА

Рассказ

Я в глубоком тылу. Штаб армии. Врангелевцы верст за сто сорок. Я спокойно раздеваюсь и устало засыпаю. В окно бархатно глядит чудесная южная ночь, пахнувшая горячей пылью и запахами, которые медленно наплывают с остывающей степи.

Городок тоже засыпает. Лишь собаки упорно лают, прислушиваясь друг к другу.

Мне казалось, что я на одну минуту завел глаза, а уже кто-то словно выламывает простенок. Сажусь, стараясь дать себе отчет. Да, кто-то торопливо, нервно стучит в окно.

Быстро одеваюсь, выхожу. Двор, жующие лошади, домики с закрытыми ставнями; все смутно, неясно, и надо всем - скупые звезды.

- Берите шинель, оружие, пойдете сейчас!

Он тоже смутный, неясный, как и все кругом; в кожаной куртке, молодой, и голос незнакомый.

Что за черт!

Торопливо беру шинель, запихиваю в карман револьвер. Все спят. Охватывает знако-

мое ощущение напряженности и вдруг родившейся опасности.

Раз... два... три!.. Еще раз, вздваиваясь... Орудийные выстрелы...

Э-э, вон оно что!.. Но откуда же, откуда это?! Ведь штаб не имеет права быть ближе шестидесяти верст от линии фронта.

- Сейчас идет бой верстах в двенадцати отсюда. Махно врасплох напал; из всех сил старается прорваться.

Мы торопливо идем по пустынной, но в молчании и тьме чутко тревожной улице.

Бах!.. Ба-ба-х!!

Шаги звонко и одиноко разносятся. Отделяясь от черноты домов, быстро подходит темная фигура; смутно чернеет винтовка на изготовке:

- Стой!!! Пропуск?

Товарищ говорит.

- Ступайте.

Когда пришли, уже все были в сборе. Сверху электрическая лампочка напряженно освещала немного усталые, помятые от бессонной ночи, но живые лица. Слышатся смех, остроты, а в окна: бах!.. ба-ба-бах!..

- Если б ворвался, всех бы перерезал...

- Да уж политотдел-то в первую голову.

Торопливо составляются воззвания к махновцам, к населению, к красноармейцам; тут же набирают, печатают. Засадили и меня писать листовку.

- Некоторые учреждения свертываются на всякий случай.

- Не мешает.

Ба-ба-бах!!

Рассвет медленно-медленно вливается в распахнутые окна, и лампочка теряет свою напряженность, бледнеет. Подвозят раненых. Они возбужденно рассказывают:

- У него орудия, а у нас нету... Он бьет, как хочет. Голыми руками его не возьмешь.

Поднялось солнце. Автомобиль выносит нас из города. В утреннем воздухе орудийные удары все отчетливее.

На позиции видны отступающие махновцы...

Нас встречают возбужденные лица с ввалившимися от усталости блестящими глазами и радостно рассказывают:

- Отбили!.. Ночью работала его артилле-

рия, у нас ни одного орудия не было, только сейчас подвезли, когда он уже разбит. Из двух деревень мы отошли. Остановились перед этой. Понимаете, дальше нельзя было отходить. Собрали все, что было под руками. Назначили командира. Молодчина оказался. Рассыпал цепь; залег перед деревней. Махно двинул против него в пятнадцать раз больше штыков. Чуть стал брезжить рассвет. Махновцы надвигались, как черная стена. Командир пехоты молодчина: приказал не стрелять. Ближе, ближе. Мурашки поползли. В этих случаях ужасно трудно удержаться от стрельбы, но красноармейцы выдержали - ни одного выстрела не раздалось. И уже когда подошли на пятьдесят шагов - еще минута, и черная стена сомнет горсть, - раздалась команда стрельбы. Вся линия взорвалась сплошь заблестевшими выстрелами, зататакали пулеметы. Смешались махновцы. А тут во фланг им ударила наша конница. Махновцы побежали. Махно бросил семьсот сабель на нашу кавалерию. Красные эскадроны неслись на эту густую тучу коней и людей с революционными песнями. С революционным гимном

они кидались в контратаки, и падали с той и этой стороны крепкие люди, а кони как бешеные носились, мотая пустыми стремянами.

Уже встало солнце и смотрело на кровавую сечу, на изуродованные тела, валявшиеся по жнивью, на тающие облачка шрапнельных разрывов.

В четвертый раз сошлись бойцы, близко сошлись; кони мордами тянутся друг к другу; махновцы говорят:

- Переходить до нас, у нас свобода...

Подъезжают, узнают друг друга:

- Эй, Петро! Здорово бувал! Чи будешь мене рубать?! Як же то воно!..

- Здорово, Иван! Переходьте вы до нас, мы за правду стоим, за Советскую власть робитников тай крестьян.

Выхватил красный командир шашку:

- Бейте врагов Советской республики!

Ринулись бойцы, все смешалось, только клинки над головами блестели мгновенным блеском, а потом покраснели.

Повернули лошадей махновцы и карьером стали уходить, а поле еще гуще засеялось кровавыми телами.

Красные кавалеристы и пехотинцы взяли в плен шестьсот человек, изрубили двести пятьдесят человек; отняли пять тачанок с пулеметами. У Махно было десять тысяч человек, два орудия, семьдесят тачанок с пулеметами.

Да, бронзовые бойцы, те самые, что тогда в саду слушали рассказы, смотрели "Марата" и "Мстителей" и плакали, слушая, как ждут и мучаются там, в России. Эта бригада чудеса показала. Ведь у махновцев был огромный перевес сил, и дрались махновцы как звери, в полной уверенности в победе, ибо Врангель в это же самое время начал наступление на фронте.

И... разбиты.

- Теперь на Врангеля! - заявляли бойцы, перевязывая раны, приводя в порядок оружие, коней.

Усталости как не бывало. В этих железных людей снова вдохнули дух борьбы, упорства к победе.

А Махно покатылся по степи, растаял и исчез.

1920